

УДК 002.2:271.22-36-9(571.1/.5)''19/20''

Состояние и проблемы современной сибирской агиологии

Н. К. Чернышова

*Государственная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск*

Аннотация. Рассматриваются проблемы истории сибирской агиографии XIX – начала XX в. Констатируется, что развитие русской агиографии синодального периода в нашей науке до сих пор остается практически не изученным; это в большой степени относится и к агиографии нашего региона. В трудах отечественных агиологов второй половины XIX в. поставлен вопрос о необходимости изучения провинциальной агиографии, зафиксировано место сибирской агиографии в общерусском процессе и намечена программа работы. Анализируется вклад современных специалистов в изучение трансформации жанра в рассматриваемый период, и выделены некоторые характеристики явления: связь с развитием исторической науки, биографизм, распространение жанра патериков. Ставится вопрос о необходимости выявления, изучения истории текстов агиографических сочинений, а также рассмотрения трудов церковных историков Сибири в контексте развития агиографии. Еще одно направление возможных исследований – выделение территориальных локусов агиографии внутри региона. Неисследованным остается этап сибирской агиографии советского периода.

Ключевые слова: агиография, агиология, житие, патерик, биография, житийный сборник, Сибирь.

Памятники русской агиографии в последние десятилетия стали объектом изучения для широкого круга гуманитарных наук. Процесс осмысления духовной традиции происходит на фоне возрождения и развития агиографического жанра в современных условиях, и для того, чтобы оценить значение создаваемых текстов, следует соотнести их с предшествующими этапами развития агиографии.

Здесь необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Активное развитие агиологии и археографии в XIX – начале XX в. представило историю развития житийного жанра в Древней Руси. Сибирская агиографическая традиция, возникновение которой относится к XVII в., в исследованиях этого времени только начинало изучаться. Большое внимание изучению житийных памятников Сибири XVII в. уделялось советской филологической наукой, в том числе сибирскими исследователями (Е. К. Ромодановская и ее школа). Наиболее важные достижения изучения этого этапа сибирской агио-

графии подведены в вып. 3 «Словаря книжников и книжности Древней Руси. XVII век» (Ч. 1–4. СПб., 1992–2004). Помимо исследования отдельных памятников агиографии русского Средневековья, были изучены методы работы древнерусского книжника над текстом жития, реконструирован житийный канон, разработан инструментарий анализа рукописных житийных памятников, который имеет непреходящее значение. В данной статье мы практически не будем касаться вопросов изучения агиографии Сибири XVII в.

Из поля зрения ученых выпало, однако, обширное наследие агиографов Нового времени – духовных писателей XIX – начала XX в. Это относится к общерусской агиографии. Так, наследию преосвященного митрополита Филарета (Гумилевского) в области русской агиографии посвящена одна статья [11]. Но еще более это справедливо в отношении провинциальной агиографии. Слабо выявлены, не введены в научный оборот и не изучены агиографические памятники, созданные провинциальными духовными авторами, относящиеся к почитанию святых, чья жизнь и деятельность протекала в данном регионе. Это относится и к Сибири.

Особенность сибирского региона состоит в том, что именно в XVIII–XIX вв. здесь протекала деятельность многих подвижников благочестия и в то же время проявились и признаки их почитания, что нашло отражение в публикациях сибирских духовных авторов. К концу XIX в. агиографы и агиологи Центральной России начали проявлять интерес к ситуации, сложившейся и Сибири, и стали включать сибирских святых и подвижников благочестия в создаваемые ими месяцесловы и житийные сборники: Филарет (Гумилевский), А. Н. Муравьев и чуть позже Димитрий (Самбикин), Н. Барсуков, Сергей (Спаский). Они опирались зачастую на публикации сибирских духовных писателей в издательствах и журналах Европейской России и в меньшей степени – на агиографическую литературу, издаваемую на территории региона. Канонизация большинства из почитавшихся православным населением Сибири подвижников состоялась много позже.

Отчетливо обрисовал складывавшуюся в агиографии конца XIX в. ситуацию архимандрит Леонид (Кавелин). Со страниц справочной книжки «Святая Русь...» он обратился с призывом к «местным читателям памяти святых составить патерики по областям и городам: Новгородской, Псковской, Московской, Ярославской, Ростовской и иных, причем особенно желательно, чтобы существующие жития нарочитых святых непременно были напечатаны вполне с самых древних и исправных дошедших до нас списков первой начальной редакции...» [9, с. 4]. Ограничение территории «Святой Руси...» Европейской Россией, отразившееся в книге архимандрита Леонида, объясняется тем обстоятельством, что сведения о православных святынях Сибири и Дальнего Востока все же были достаточно скудными. И эта позиция стала достаточно устойчивой историографической традицией, дошедшей и до нашего времени [19, с. 58].

Актуальной проблемой агиологии является исследование направлений эволюции или трансформации жанра житий святых в синодальный период истории Русской церкви, что имеет непосредственное отношение к развитию

агиографии в Сибири. Среди опубликованных в последние годы важных работ, посвященных как раз этому периоду русской агиографии, следует назвать статьи архимандрита Иннокентия (Просвирнина), игумена Андроника (Трубачева), а также статьи об отдельных духовных писателях в «Православной энциклопедии» [1; 2; 6 и др.]. Так, игумен Андроник выделил следующие особенности жанра на этом этапе: 1) «возникновение жанра биографического церковно-исторического исследования»; 2) «издание т. наз. рус. патериков – собраний житий святых, подвизавшихся в одном регионе или происходивших оттуда»; 3) «развитие жанра житийной литературы в XIX – начале XX в. стояло в тесной связи с ее исследованием» [2, с. 313–316]). Отметим, что данные особенности можно проследить и в сибирской агиографии указанного времени.

Агиографические памятники, посвященные сибирским святым, отражают некоторые черты эволюции житийного жанра в синодальный период. Сибирские духовные авторы на протяжении XIX в., словно прислушавшись к призыву архимандрита Леониды, занимались решением этой проблемы – старались выявить и привести в известность сибирские святыни. Духовные авторы, историки и краеведы Западной Сибири – А. И. Сулоцкий, Н. А. Абрамов, А. М. Карпинский, Н. Д. Скосырев, П. В. Остроумов, Г. С. Тутолмин, А. И. Юрьевский – внесли свой вклад в изучение биографий почитавшихся сибиряками архиереев XVIII в. – Филофея (Лещинского), Иоанна (Максимовича), Арсения (Мацевича), а также подвижников XIX в. В Восточной Сибири протоиерей П. В. Громов, архимандрит Модест (Стрельбицкий), архиепископ Нил (Исакович) и др. посвящали свое внимание православным святыням своего региона. Отметим, что вклад названных духовных писателей в агиографию Сибири практически остается слабоизученным, несмотря на активное введение в научный оборот различных текстов названных авторов и изучение других сторон их деятельности. Кроме того, творчество А. И. Сулоцкого и Н. А. Абрамова интерпретируется исследователями как относящееся к жанру исторических исследований [3; 13; 20 и др.]. Представляется необходимым рассмотреть их биографические сочинения в контексте развития русской агиографии синодального периода.

Остановимся на мало замеченном современными исследователями явлении в сибирской агиографии конца XIX – начала XX в. – опытах создания патериков. К их числу мы относим «Сказания о некоторых сибирских подвижниках благочестия» М. П. Путинцева, а также проект, возникший в Омске в начале XX в. и опубликованный в «Омских епархиальных ведомостях» в 1916 г. под заглавием «Предполагаемое издание «Сибирского патерика» [14]. Опубликованный на страницах «Ведомостей» перечень был весьма представительным по полноте. Он включал имена 50 святых и подвижников благочестия региона. За образец предполагаемого патерика составителями были взяты «Жития святых», составленные по руководству Четых миней святителя Димитрия Ростовского на русском языке, изданные в начале XX в. Московской синодальной типографией [14, с. 7]. О существовании проекта 1916 г. свидетельствуют митрополит Иоанн (Снычев) и омский исследователь А. Ло-

сунов [7, с. 37–60; 10, с. 157–158]. Кроме того, в Сибири возникла идея создания «Нового святорусского патерика» (сост. А. И. Юрьевский). Три выпуска последнего были опубликованы в Тобольске в 1912 г. Из сибирских подвижников благочестия там представлен лишь архиепископ Тобольский Варлаам (Петров). Разыскание и изучение истории этих памятников, их места в истории сибирской и российской агиографии вообще нуждаются в самостоятельном большом исследовании.

Отметим, что важным фактором, определившим развитие жанра, явилось принятие документа, определяющего внутреннюю жизнь церкви, нормы духовной жизни, взаимоотношения церкви с государством и верующими, – «Духовного регламента» Петра I. Хотя регламент не содержал каких-либо предписаний для составителей агиографических текстов [2, с. 313; 22, с. 189–190], однако при написании биографической части житий составитель мог или даже должен был руководствоваться, наряду с «этикетным принуждением» древнерусского книжника, пунктами «Духовного регламента»¹. С большой тщательностью в нем прописан статус епископа. Возможно, что подчеркнутое внимание составителя документа к задачам и обязанностям этого звена церковной иерархии со своей стороны как-то повлияло на формирование такого явления, как «особый архиерейский период русской святости» в XVIII в. [8, с. 7]. Значительное число агиографических памятников, созданных в Сибири в XIX – начале XX в., было посвящено сибирским святителям.

Еще одним важным социокультурным фактором, также косвенно повлиявшим на развитие агиографии, явилась, на наш взгляд, реформа делопроизводства при Петре Первом. Создание четкой структуры делопроизводства и номенклатуры документов, сохранившейся в основных чертах до нашего времени, в том числе и внутри системы церковного управления, создало предпосылку для использования этих документов при создании житийных памятников. Впервые применительно к агиографии XVII в. это явление было отмечено в работах Е. К. Ромодановской [15, с. 149–151]. Исследовательница характеризовала использование в качестве источника житийных текстов судебно-следственные дела, а именно «расспросные речи» по поводу «явлений» и «чудес». Они, как отмечала Е. К. Ромодановская, почти не содержали сведений о биографии святого. Аналогичная ситуация в использовании документов прослежена нами и при составлении первого жития св. Иннокентия Иркутского. Роль происшедшего в начале XVIII в. коренного изменения в характере делопроизводства, повлекшего за собой, в частности, изменение видовой структуры источников и увеличение количества делопроизводственных материалов, – в развитии агиографии Нового времени остается малоизученной. Документы церковного делопроизводства, относящиеся ко времени епископа Иннокентия, впервые выявленные в иркутских архивах П. В. Громовым и включенные

¹ В «Духовный регламент» включены разделы, содержащие предписания о необходимости соблюдения осторожности в отношении чудес и явлений, что могло повлиять на процесс канонизации и, соответственно, на процесс агиографического творчества. Этот вопрос, как и другие, связанные с влиянием документа на развитие жанра агиографии, практически не исследован.

им в состав его книги «Начало христианства в Иркутске и Святой Иннокентий, первый епископ Иркутский» (Иркутск, 1868), характеризуют деятельность епископа, а также относятся к описанию его кончины, погребения и истории почитания святого в Иркутске, служат воссозданию социокультурного контекста деятельности святителя Иннокентия. Возможно, данное явление, а именно использование документов церковного делопроизводства в качестве агиографического источника, следует рассматривать не как частный случай, а как знаковое в развитии агиографического жанра в Новое время.

Материалы, введенные в оборот о. Прокопием, послужили базой для агиографов более позднего времени при освещении сибирских страниц жизни св. Иннокентия, его подвигов и скорбей. Важно при этом подчеркнуть, что после трудов П. В. Громова и архимандрита Модеста (Стрельбицкого) новых документов или исторических сочинений в агиобиографию св. Иннокентия почти не вводилось. Этот факт также нуждается в интерпретации.

В работах исследователей последних лет [5; 17; 21 и др.] произошел заметный всплеск интереса к изучению региональных агиографических традиций в России – тверских, псковских, смоленских, вологодских и др. Отвечая на вопрос, что понимается под региональной агиографической традицией, современная исследовательница выражает следующую точку зрения: «Скорее, имеют в виду не столько место создания жития, сколько место духовного подвига святого» [17, с. 122]. На протяжении XIX–XX вв. Сибирь рассматривалась агиографами и агиологами как единый регион (к началу XIX в. было канонизировано 2-3 святых и вопрос о территориальных локусах агиографии не возникал). Церковно-административное управление в рамках региона на протяжении рассматриваемого времени претерпевало изменения: число епархий возрастало за счет расширения территории и за счет выделения из состава более крупных. И к концу столетия вопрос, можно ли рассматривать агиографическую традицию в Сибири XIX в. как единую или она включала несколько территориальных локусов со своими особенностями, приобрел актуальность. Отметим важный социокультурный фактор, сыгравший свою роль в формировании территориальных локусов агиографии в Сибири XIX в., а именно широкое распространение книгопечатания в нашем регионе и постепенное перемещение рукописной традиции на периферию, что серьезно влияло на способы распространения житий, особенности работы над текстом, а также инструментарий их изучения. В начале 2000-х гг. ГПНТБ СО РАН был подготовлен и опубликован сводный каталог книг, напечатанных на территории Сибири и Дальнего Востока [16]. Приблизительно 10 % изданий, включенных в каталог, – это издания Русской православной церкви. В число изданий РПЦ входят и посвященные сибирским святым. Данные сводного каталога позволяют наглядно проследить распространение «гнезд святости» по территории Сибири, и тем самым скорее подтверждают гипотезу о существовании территориальных локусов агиографии внутри региона. В целом эта проблема нуждается в самостоятельном изучении.

Неизученной страницей сибирской агиологии является агиография советского периода. Она существовала. Так, биографиям сибирских святителей были посвящены сочинения митрополитов Варфоломея (Городцова), Мануила (Лемешевского), а также труды протоиереев Н. В. Соколова и Б. И. Пивоварова [4; 12; 18 и др.]. Жанровая природа этих очерков нуждается в самостоятельном изучении. Владыка Варфоломей, например, неоднократно подчеркивал «великую любовь» святителя Иннокентия Иркутского к народу и ответную любовь народа к своему архипастырю. Интерес к духовной жизни святителя, аскетическим подвигам, стилистические приемы и язык приближают очерки митрополита Варфоломея к жанру житий. Об этом же свидетельствует и использование в качестве основных источников житийных текстов, созданных в XIX в. Вместе с тем в рассматриваемых очерках отсутствует большая часть композиционных элементов жития. Развивая возникший во второй половине XIX – начале XX в. интерес агиографов к духовному наследию святителя Иннокентия – его проповедям и поучениям, автор очерка особое внимание уделяет богословским взглядам и духовному опыту, отразившемуся в них.

Создание очерка о св. Иннокентии, как и других, входящих в состав «Сибирских святителей-чудотворцев», относится, как можно предположить, к 40-м гг. XX в.

По сведениям митрополита Иоанна (Снычева), митрополит Мануил (Лемешевский) был одним из лиц, привлекавшихся к составлению упоминавшегося выше «Сибирского патерика». Мы не знаем пока, удалось ли иеромонаху Мануилу довести эту работу до конца. Однако в дальнейшем – уже в советские годы – митрополит Мануил осуществил огромную работу по сбору биографических сведений об архиереях Русской православной церкви – каталога «Русские православные иерархи». Первая часть каталога, охватывающая период с 992 по 1892 г., над которой владыка Мануил трудился в 60-е гг. XX в., обработана помощниками после кончины составителя и опубликована на русском языке в начале XXI в. В нее вошли и биографии сибирских иерархов. Представляется необходимым рассмотреть эти биографии в русле развития житийного жанра в XX в.

Список литературы

1. *Акиньшин А. Н.* Димитрий (Самбкин Дмитрий Иванович) / А. Н. Акиньшин, Е. В. Липаков // Православ. энцикл. – М., 2007. – Т. 15. – С. 91–93.
2. *Андроник (Трубачев).* Житийная литература / Андроник (Трубачев), игум. // Православ. энцикл. – М., 2008. – Т. 19. – С. 283–318.
3. *Белобородов С. А.* Абрамов Николай Алексеевич / С. А. Белобородов, В. Н. Волкова // Православ. энцикл. – М., 2009. – Т. 1. – С. 14.
4. *Варфоломей (Городцов).* Сибирские святители-чудотворцы. Святитель Иннокентий, первый Иркутский епископ / Варфоломей (Городцов) // Из духовного наследия митрополита Новосибирского и Барнаульского Варфоломея: к 40-летию со дня кончины. – Новосибирск, 1996. – С. 129–145.

5. *Гадалова Г. С.* Жития тверских святых в трудах богословов и историков Церкви XVI–XIX вв. / Г. С. Гадалова // Вестн. ПСТГУ. Сер. История. История РПЦ. – 2005. – Т. 4. – С. 91–113.
6. *Иннокентий (Просвирнин)*. Предисловие к «Месяцеслову святых всей русской церковью или местно чтимых» архиепископа Димитрия Самбикина / Иннокентий (Просвирнин) // Блаженны чистые сердцем. – М., 2008. – С. 105–110.
7. *Иоанн (Снычев)*. Жизнь и служение митрополита Мануила : биогр. очерк / Иоанн (Снычев), митроп. – Самара : Парус, 1997. – 320 с.
8. *Кириченко О. В.* «Келейный летописец» святителя Димитрия Ростовского / О. В. Кириченко // Келейный летописец святителя Димитрия Ростовского. – М., 2000. – С. 3–33.
9. *Леонид (Кавелин)*. Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.) обще и местно чтимых : справ. кн. по рус. агиографии / Леонид (Кавелин), архим. – СПб., 1891. – 220 с.
10. *Лосунов А. М.* Омская епархия: история и современность / А. М. Лосунов // Актуальные проблемы исторической науки: общее и уникальное в истории. – Омск, 2009. – С. 151–171.
11. *Максимов Ю.* Архиепископ Филарет (Гумилевский) как агиограф / Ю. Максимов // Журн. Моск. патриархии. – 2000. – № 12. – С. 82–84.
12. *Мануил (Лемешевский)*. Иннокентий, святитель, епископ Иркутский и Нерчинский / Мануил (Лемешевский) // Русские православные иерархи: 992–1892. – М., 2002. – Т. 1. – С. 523–526.
13. *Пивоваров Б. И.* Сулоцкий Александр Иванович / Б. И., прот. Пивоваров // Ист. энцикл. Сибири. – Новосибирск, 2009. – Т. 3. – С. 209.
14. Предполагаемое издание «Сибирского патерика» // Ом. епарх. ведомости. – 1916. – С. 7–12.
15. *Ромодановская Е. К.* «Святой из гробницы». О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии / Е. К. Ромодановская // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 143–159.
16. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг. : в 3 т. / отв. сост. Р. Е. Павлова ; ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2004–2005. – Т. 3.
17. *Семячко С. А.* Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) / С. А. Семячко // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 122–142.
18. *Соколов Н. В.* Святитель Иннокентий, первый епископ Иркутский (1680–1731) / Н. В. Соколов // Журн. Моск. патриархии. – 1982. – № 6. – С. 34–36.
19. *Софронов С. Г.* Территориальные аспекты формирования системы православных святынь (на примере русских святых и богородичных икон) / С. Г. Софронов // Наследие и современность : информ. бюл. / Рос. НИИ культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева. – М., 2008. – Вып. 9. – С. 20–72.
20. *Сулоцкий Александр Иванович (1812–1884)* // Русские писатели-богословы. – М., 1997. – Вып. 1. Историки Церкви : биобиблиогр. указ. – С. 139–152.
21. *Стороженко Э. А.* Проблема перечня смоленских святых / Э. А. Стороженко // Концепт святости в историческом контексте : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию первого упоминания города Смоленска в русских летописях. – Смоленск, 2013. – С. 166–175.
22. *Чернышова Н. К.* Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России (1805–1919) / Н. К. Чернышова. – Новосибирск, 2009. – 534 с.

Current State and Problems of the Modern Siberian Hagiology

N. K. Chernyshova

The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Abstract. The article deals with problems of the Siberian hagiography history in the XIX – early XX centuries. The Russian hagiography development of the Synodal period is still poorly studied, this is largely true for hagiography of our region. Domestic hagiologists in their papers of the second half of the XIX century pointed the necessity to study the provincial hagiography, the place of Siberian hagiography in the all-Russian course was determined and the activity program was planned. The author analyzes the contribution of modern specialists in studying the genre transformation in the period under review, and highlights some characteristics of the phenomenon: the relation with the historical science development, biographism, the patristics genre development. The problem of the need to identify and study the history of hagiographic writings and to view papers by Siberian ecclesiastical historians in the context of hagiography is raised. Another possible direction of future investigation is identification of territorial hagiographic loci within the region. And Siberian hagiography during the Soviet period still remains to be studied.

Keywords: hagiography, hagiology, life of the Saints, patericon, biography, hagiographic collection, Siberia.

Чернышова Надежда Константиновна

доктор исторических наук, старший научный сотрудник

*Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15
тел.: 8(383)266-26-30
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru*

Chernyshova Nadezhda Konstantinovna

Doctor of Sciences (History), Senior Research

*Fellow State Public Scientific Technological Library of SB RAS
15, Voskhod st., Novosibirsk, 630200
tel.: 8(383)266-26-30
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru*